

ГИППОКРАТ

НЕ НАВРЕДИ!

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 61(091)
ББК 5г
Г50

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с древнегреческого *В. И. Руднева*
Вступительные статьи и комментарии *В. П. Карпова*
Серийное оформление *А. В. Фереца, Е. Д. Фerez*
Дизайн обложки *В. А. Воронина*

Гиппократ.

Г50 Не навреди! / Гиппократ ; [перевод с древнегреческого В. Руднева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-184956-6

В сборник «Не навреди!» вошли избранные книги по основным направлениям греческой медицины V и VI вв. до н. э. и естественнонаучным проблемам. Сборник включает книги: «Клятва», «Закон», «О враче», «О воздухах, водах и местностях», «Прогностика», «Афоризмы» и другие, охватывая терапию, хирургию, диетологию, травматологию и этику. Эти тексты заложили основы рациональной медицины, трактуя болезнь как естественный процесс, а не сверхъестественное явление.

Перевод книг выполнен профессором В. И. Рудневым, каждая книга дополнена вступительной статьей и комментариями профессора В. П. Карпова.

УДК 61(091)
ББК 5г

КЛЯТВА

Клятва, ἵρκος, *jusjurandum*, представляет собой ценный документ, освещающий нам врачебный быт медицинских школ в эпоху Гиппократов. Здесь, как и в других сочинениях Гиппократова сборника* (а также у Платона), никакого отношения врачей к храмовой медицине усмотреть нельзя; врачи — хотя и асклеиады, в том смысле, что ведут происхождение от Асклепия и клянутся им, но не жрецы асклепейона.

В древние времена медицина была семейным делом; она культивировалась в недрах определенных фамилий и передавалась от отца сыну. Затем рамки ее расширились, врачи стали брать учеников со стороны. Так свидетельствует Гален. И у Платона есть указания, что врачи в его время обучали медицине за плату; для примера он берет как раз Гиппократов. Правда, об этой стороне дела в «Клятве» не упоминается; там ученик должен войти как бы в семью учителя и помогать ему в случае, если он будет нуждаться, но денежный договор мог составляться особо. Вступая в врачебный цех,

* «Сборник Гиппократов» (лат. *Corpus Hippocraticum*) — антология трудов древнегреческого врача и философа Гиппократов. Исследователи полагают, что текст включает сочинения разных авторов.

или корпорацию, врач должен был вести себя ответственным образом: воздерживаться от всяких предосудительных действий и не ронять своего достоинства. Формулированные в «Клятве» правила врачебной этики оказали большое влияние на все последующие времена; по образцу ее составлялись факультетские обещания, которые произносили доктора медицины при получении степени в Парижском университете и еще недавно у нас, в старой России. Несомненно, Гиппократова клятва была вызвана необходимостью отмежеваться от врачей одиночек, разных шарлатанов и знахарей, которых, как мы узнаем из других книг, в те времена было немало, и обеспечить доверие общества врачам определенной школы или корпорации асклепиадов.

О «Клятве» писали немало: см. Литтре, IV, 610; в последнее время Кернер (Körner O., *Der Eid des Hippocrates, Vortrag*. München u. Wiesbaden, 1921); у него же приведена литература.

Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей¹ и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими достоинствами и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении² сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом³. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни

людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной⁴. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому⁵.

¹ Аполлон считался в послегомеровское время врачом богов. Асклепий, Ἀσκληπιός, римск. Aesculapius, Эскулап, сын Аполлона, бог врачебного искусства; Гиги́я, Ὑγεία и Ὑγίεια, дочь Асклепия, богиня здоровья (отсюда наша гигиена); ее изображали цветущей девушкой с чашей, из которой пила змея. Панакея, Πανακεια, всеисцеляющая, другая дочь Асклепия; отсюда панацея, лекарство от всех болезней, которое искали средневековые алхимики.

² Здесь перечисляются виды преподавания. Наставления, παραγγεῖλαι praescripta, заключали в себе, может быть, общие правила врачебного поведения и профессии, если судить по одноименной книге Гиппократова сборника, помещенной в этом издании. Устное преподавание, ἀκρόασις, состояло, вероятно, в систематических чтениях по различным отделам медицины. По крайней мере во времена Аристотеля так назывались лекции, которые он читал слушателям и которые потом в обработанном виде издавались; такова, например, его Физика. Φυσικὴ ἀκρόασις. «Все остальное» включало в себя, вероятно, практическую часть преподавания у постели больного или операционного стола.

³ Эта фраза всегда вызывала у комментаторов некоторое недоумение, почему врач не должен был производить литотомии (Λιθοτομία) — операции, давно известной у египтян и греков. Проще всего, конечно, ответить в согласии с текстом, что операцию эту производили особые специалисты, как это было в Египте и на Западе в конце Средних веков; вероятно, они также были объединены в особые организации и владели секретами производ-

ства и организованный врач не должен был вторгаться в чужую область, в которой не мог быть достаточно компетентным, не роняя своего престижа. Предполагать, что операция эта или даже вообще все операции были ниже достоинства врача и предоставлялись низшему врачебному сословию, — нет никаких оснований; Гиппократов сборник достаточно опровергает это.

Но еще в XVII веке Моро (René de Moreau) переводил οὐ τέμνω «не буду кастрировать», так как глагол этот имеет и такое значение, и эту версию защищал не кто иной, как Гомперц (Gomperz, *Grechische Denker*, Lpz., 1893, 1,452). Он переводит: «Я не буду кастрировать даже тех, которые страдают каменным утолщением (яичка)». Версия эта, конечно, во всех смыслах маловероятна и была опровергнута Гиршбергом (Hirschberg., 1916, см. Körner, 1. с., p. 14).

⁴ Запрещение врачу, давшему клятву, разглашать чужие тайны, пройдя через века, превратилось в русском и германском законодательствах в закон, карающий за разглашение тайн, с которыми врач ознакомился при своей профессиональной деятельности. Но мало-мальски внимательное чтение показывает, что в клятве вопрос ставился шире: нельзя вообще разглашать компрометирующие вещи, виденные или слышанные не только в связи с лечением, но и без него. Цеховой, организованный врач не должен быть злостным сплетником: это подрывает доверие общества не только к нему, но и ко всей данной корпорации.

⁵ Привожу для сравнения «факультетское обещание», которое в прежнее время, после удовлетворительной защиты диссертации и провозглашения диссертанта доктором, читалось ему деканом факультета и которое новый доктор подписывал. Оно же печаталось на обратной стороне диплома. «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне наукой права врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемых на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать чести сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумению, прибегающим к моему пособию страждущим, свято

хранить вверяемые мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия. Обещаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всеми силами ее процветанию, сообщая ученому свету все, что открою. Обещаю не заниматься приготовлением и продажей тайных средств. Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам-врачам и не оскорблять их личности; однако же, если бы того потребовала польза больного, говорить правду прямо и без лицемерия. В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей, более меня сведущих и опытных; когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям».

В приведенном обещании можно различить 3 части, каждая из которых имеет своим первоисточником Гиппократов сборник. Из них первая, имеющая своим предметом больного, непосредственно примыкает к «Клятве». Вторая — о врачебных секретах и тайных средствах — является отзвуком той борьбы, которую греческие врачи V в. вели со всякого рода шарлатанством; это читатель ясно увидит из следующих книг. В частности, фраза «...сообщая ученому свету все, что открою» представляет пересказ фразы «они отдают в общее сведение все, что приняли от науки», которая характеризует мудрого врача в книге «О благоприличном поведении», гл. 3. И, наконец, третья часть об отношении врача к коллегам и консультации довольно близко передает то, что можно прочесть в «Наставлениях», гл. 8.

ЗАКОН

«Закон», νόμος, lex, представляет собой небольшое сочинение, вероятно, назначенное для произнесения в публичном собрании. Оно написано каким-нибудь иатрософистом, т. е. врачом, получившим софистическое образование, знакомым с риторикой, что доказывают многочисленные сравнения, стиль, отчасти сохраненный и в переводе, и некоторые термины. С другой стороны, автор, несомненно, был врачом, получившим правильное образование в недрах какой-нибудь корпорации, на что указывает и последний параграф, трактующий о том, что многого нельзя сообщать профанам; это имеется и в «Клятве». Тема «Закона», жгучая для того времени, — борьба с псевдоврачами, людьми невежественными, роняющими достоинство медицины; причину ее упадка автор видит в отсутствии соответственного законодательства. Далее следует перечисление тех условий, которые необходимы, чтобы стать хорошим врачом, правда, в самом общем виде. Книга эта известна с древности; она внесена в список Эротпана Литтре (IV, 634).

Медицина поистине есть самое благородное из всех искусств. Но по невежеству тех, которые занимаются ею, и тех, которые с легкомысленной снисходительностью судят их, она далеко теперь ниже всех искусств. И, по моему мнению, причиной такого падения служит больше всего то, что в государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно не отделимо. Мне кажется, что эти последние весьма похожи на тех лиц, которых выпускают на сцену в трагедиях¹, ибо как те принимают наружный вид, носят одежду и маску актера, не будучи, однако, актерами, так точно и врачи; по званию их много, на деле же — как нельзя менее.

2. Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь: природное расположение, обучение, удобное место, наставление с детства, любовь к труду и время. Итак, прежде всего необходимо природное расположение; если природа противодействует, — все тщетно; если же она сама показывает путь ко всему наилучшему, тогда уже совершается изучение искусства, которое должно приобретать себе с разумением, пользуясь наставлением с детства и в месте, от природы хорошо приспособленном для науки. Сюда же необходимо еще присоединить многолетнее прилежание, чтобы учение, укоренившись прочно и глубоко, приносило зрелые плоды.

3. В самом деле, зрелище того, что рождается из земли, показывает то же, что изучение медицины. Действительно, природа наша это есть поле, а на-

ставления учителей — семена. Обучение, начатое с детства, соответствует благовременному сеянию, а место, приспособленное для учения, — окружающему воздуху, из которого обыкновенно заимствует себе пищу все, что рождается из земли. Трудолюбие — это есть земледелие. Время же все это укрепляет для полной зрелости.

4. Когда все эти условия для медицинского искусства совмещены и приобретено истинное знание его, тогда только обходящие города для практики² не только на словах, но и на деле признаются за врачей. Но неопытность — плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей; ни во сне, ни наяву благодушную и душевной радости не причастная, она для трусости и дерзости — кормилица. Но ведь трусость знаменует бессилие, дерзость же — неискусность. Ибо две суть вещи: наука и мнение³; из них первая рождает знание, второе — невежество.

5. Но священные действия показываются только людям посвященным, профанам же — не прежде, чем они будут введены в таинства науки.

¹ Здесь имеются в виду так называемые «немые персонажи», *χωρὸς πρόσωπα*, которые фигурировали в театральных представлениях в виде статистов.

² Большинство врачей в то время переходило из города в город, оставаясь в них большее или меньшее время: это — врачи периодевты (*περιοδεύτης*); к их числу принадлежал и Гиппократ. Другие имели постоянные врачебные кабинеты и состояли на общественной службе.

³ Противоположность между научным знанием, *ἐπιστήμη*, и простым мнением или кажимостью, *δόξα*, была свойственна философии того времени. С этими понятиями постоянно оперирует Платон; мы встречаемся с ними и в философии Аристотеля.

О ВРАЧЕ

Книга «О враче», *περί ἰητροῦ, de medico*, трактует не только о том, каким должен быть врач, но больше о врачебном кабинете и о простых хирургических манипуляциях. Она носит пропедевтический характер и назначена для начинающих. Содержание ее по главам таково: гл. I, внешность и внутренние качества врача; гл. II, о врачебном кабинете; гл. III, общие указания о врачебных приемах; гл. IV, о повязках; гл. V, о быстром и медленном оперировании; гл. VI, об инструментах (ножах); гл. VII, применение банок; гл. VIII, кровопускание; гл. IX, заключение об инструментах; гл. X и XI, нарывы и язвы; гл. XII, катаплазмы; гл. XIII–XIV, военная хирургия и ее задачи.

Книга эта не поименована в каталогах Эроциана и Галена, тем не менее ее никогда не отвергали, так как она гармонирует с другими сочинениями сборника своей врачебной этикой, а на хирургические даже ссылается. Написана книга довольно тяжелым языком, местами очень лаконична. Очевидно, вследствие этого, ряд мест в списках испорчен и непонятен: их переводили и переводят по-разному. Часть таких мест указана в примечаниях.

Литература. Petrequin J.F., *Recherches historiques sur l'origine du traité du Médecin*. 1847. Литтре, IX, 198 и сл.

Врачу сообщает авторитет, если он хорошего цвета и хорошо упитан, соответственно своей природе, ибо те, которые сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других. Затем, ему прилично держать себя чисто, иметь хорошую одежду и натираться благоухающими мазями¹, ибо все это обыкновенно приятно для больных. Должно также ему наблюдать все это и в отношении духа; быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наиболее принесет ему помощь для приобретения славы. Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым² и, как таковой, значительным и человеколюбивым. Ибо поспешность и чрезмерная готовность, даже если бывают весьма полезны, презираются. Но должно наблюдать, когда можно пользоваться всем этим, ибо одни и те же приемы у одних и тех же (больных) ценятся, когда они редки³. Что касается до внешнего вида врача, пусть он будет с лицом, исполненным размышления, но не суровым, потому что это показывает гордость и мизантропию. Тот врач, который изливается в смехе и сверх меры весел, считается тяжелым, и этого должно в особенности избегать. Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а у врача с больными — немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следова-

тельно, в отношении всего этого врач должен быть воздержным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться.

2. Что же касается тех правил, которые относятся к врачебному искусству, с помощью которых можно сделаться искусным в этом деле, то следует обозреть сначала то, с чего человек начинает учиться. Поэтому лечение в кабинете врача (в лечебнице) — первое дело учащихся⁴. Прежде всего нужно иметь место удобное; а это будет в том случае, если ни ветер проникающий не приносит тягости, ни солнце или блеск не будут беспокоить. Яркий свет, хотя не тягостен для лечащих, не таков, однако, для тех, которые лечатся, поэтому всячески должно избегать такого блеска, от которого глаза обыкновенно получают вред. Это именно предписывается насчет света. А также, чтобы лицо никоим образом не было обращено к солнечным лучам, ибо это очень поражает зрение, когда оно слабо, а всякий удобный случай может расстроить слабые глаза. Итак, светом нужно пользоваться таким образом. Стулья же должны быть насколько можно равной высоты, чтобы были по больным⁵. Не должно быть никакого употребления меди, кроме как в инструментах, ибо пользоваться такой утварью представляется мне неподходящей роскошью. Вода для тех, которые лечатся, должна доставляться пригодная для питья и чистая. Вещи для вытирания надо употреблять чистые и мягкие, именно, для глаз — полотенца, а для ран — губки, ибо это само по себе, кажется, хорошо помогает. Все же инструменты должны быть удобны для употребления по своей величине, весу и тонкости.

3. Должно обращать внимание, чтобы все, что применяется, приносило пользу, и в особенности все, что должно прикасаться к страдающей части тела, именно: повязки, медикаменты, а также приложенные к язвам полотенца и пластыри, так как они долгое время находятся на больных местах. Напротив, все то, что следует после, именно: отнятие всего приложенного, также освежение, очищение и обливание водою, требует лишь некоторого малого времени. И где что должно делать больше или меньше, на это следует обращать внимание, ибо благовременное употребление того и другого и неделание имеют большое различие.

4. Медицинской называется такая перевязка, от которой получает пользу тот, кто лечится. Но здесь наиболее помогают две вещи, которыми должно пользоваться: сжимать, где следует, и нетесно обвязывать. И в этом случае должно смотреть на времена года, когда должно плотно бинтовать, а когда — нет; да и от самого больного не скрыто, что из двух когда должно применять. Повязки же изящные и сделанные на показ, как совершенно бесполезные, следует отвергать: непристойно это и отдает шарлатанством, да и вред они большею частью приносят тому, кто лечится, между тем как больной требует не украшения, а пользы.

5. Во всем том, что требует хирургического воздействия, сечения или прижигания, рекомендуется в равной мере скорость и медленность, ибо есть нужда в той и другой. Именно, у кого операция делается одним сечением, разъятие следует делать быстро; ибо, так как приходится оперируемым страдать, причиняющее боль должно быть в них